

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-300-311>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)4

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. О. А. Туфанова
г. Москва, Россия

ПОЭЗИЯ ФАКТА В «СКАЗАНИИ И ПОВЕСТИ... КАК ИЗБАВИЛ БОГ ОТ ЗЛАГО И ЛЮТАГО ОТ ЕРЕТИКА ОТ ГРИШКИ ОТРЕПЬЕВА» ИЗ РУКОПИСНОГО СБОРНИКА СОБРАНИЯ Т. Ф. БОЛЬШАКОВА

Аннотация: В статье анализируется фрагмент «Сказания и повести... как избавил Бог от злаго и лютаго от еретика от Гришки Отрепьева» из рукописного повествовательного сборника собрания Т. Ф. Большакова. Распространенная редакция этого памятника была известна уже Н. М. Карамзину и опубликована в «Чтениях в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских», краткая редакция, автором которой был предположительно дьяк Василий Суков, напечатана в 13-м томе Русской исторической библиотеки. В рукописном сборнике исследуемый текст представляет собой недописанный фрагмент и охватывает события с 1584 по 1603 г. Основное внимание уделено деяниям Бориса Годунова. Специфика представления исторического материала в «Сказании...» свидетельствует о тяготении автора к стилистике летописных погодных записей. Отсутствие трансцендентных объяснений причин происходящего в мире людей, лаконизм в представлении событий, документальная протокольность, минимальное использование изобразительно-выразительных средств свидетельствуют о том, что автор сознательно отказался от традиционных для русской средневековой словесности художественных приемов, поставив во главу поэзию факта. Многие современники событий Смуты, декларируя принцип правдоподобия, стремились вписывать современные им события в контекст мировой истории традиционными литературными способами. В этом тексте мы имеем дело с иными принципами создания исторического повествования, когда факты говорят сами за себя, а их подбор (за отсутствием комментария) косвенно указывает на авторскую оценку какого-либо события или периода в истории страны. Возможно, нестандартное представление исторических событий и лиц и стало одной из причин, почему текст не был дописан в рассматриваемом сборнике.

Ключевые слова: сказание, Борис Годунов, голод 1601–1603 гг., документальность, фактографичность, погодная запись.

Информация об авторе: Ольга Александровна Туфанова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2254-7969>

E-mail: tufoa@mail.ru

Дата поступления статьи: 29.06.2023

Дата одобрения рецензентами: 15.07.2023

Дата публикации: 25.09.2023

Для цитирования: Туфанова О. А. Поэзия факта в «Сказании и повести... как избавил Бог от злаго и лютаго от еретика от Гришки Отрепьева» из рукописного сборника собрания Т. Ф. Большакова // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 300–311. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-300-311>

Рукописный сборник 256 из собрания Т. Ф. Большакова кратко описан Г. П. Георгиевским. Он составлен «из нескольких тетрадей, писанных скорописью XVII и XVIII веков, в 4-ку, на 268 лл.» [11, с. 230] разными почерками¹. Начало сборника утрачено, сохранность текста не везде удовлетворительная, особенно пострадали фрагменты, выполненные киноварью.

Сборник довольно разношерстный по своему составу. Среди хорошо известных текстов, таких, как «Житие Андрея Юродивого» (без начала), повестей «К некоей вдове удивительная щедрости», о Удоне епископе и др., выписок из Пролога и Патерика, слов Иоанна Златоуста и преподобного отца Ефрема, вопросов и ответов, собранных из «разных бытейских книг» [11, с. 231], и др., на л. 185 – 188 об. читается мало привлекавший внимание исследователей фрагмент «Сказания о Гришке Отрепьеве». Распространенная редакция этого памятника была известна уже Н. М. Карамзину и опубликована в «Чтениях в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских» [13, с. 20 – XXI], краткая редакция², автором которой был предположительно дьяк Василий Суков (см.: [15]), напечатана в 13-м томе Русской исторической библиотеки [13, стб. 713–754].

В рукописном сборнике памятник имеет пространное название, занимающее половину листа 185; оно исполнено двумя видами чернил. Текст, написанный киноварью, составляет две первые строки и начало третьей и едва просматривается. Он представляет собой одно целое с текстом, продолжающим его и написанным черными чернилами: «Сказание и повесть известна еже содѣяся чудо о Господѣ нашемъ Иисусе Христѣ и Богородицы его матери и великихъ чудотворцовъ петѣра и алексѣя и ионы и всѣхъ святыхъ твоихъ молитвами въ царствующей граде москвѣ како избави Богъ отъ злаго и лютаго отъ еретика отъ гришки отрепева и отъ его умышлениковъ отъ поганныхъ ляховъ и отъ литвы и латинския и язовитьския и навитьския вѣры. Нап[и]сано ву кратъце»³ (фрагмент, выделенный курсивом, выполнен киноварью, подчеркнутые слова едва различимы) [14, л. 185].

¹ Многие рукописные сборники XVII в., написанные скорописью, дошли до нас не полностью; у одних утрачено начало, у других — и начало и конец (см. подробнее: [2, с. 50]).

² Подробнее о редакциях «Сказания...» см.: [8, с. 312–313; 6; 1].

³ Текст «Сказания...» цит. по: [14]. Слова выведены из-под титлы; в рукописном тексте, за редким исключением, отсутствуют прописные буквы, а также деление на предложения.

«Сказание и повесть... как избавил Бог от злаго и лютаго от еретика от Гришки Отрепьева» // ОР РГБ. Ф. 37. Собрание рукописных книг Т. Ф. Большакова. № 256. Л. 185.

“Tale and Story... How Did God Get Rid of Evil and Fierce Heretic Grishka Otrepev.” Department of Manuscripts of the RSL. F. 37. T. F. Bolshakov Collection of Manuscript Books, no. 256, l. 185.

Описывая этот рукописный сборник, Г. П. Георгиевский дал тексту сокращенное название: «Сказание и повесть... как избавил Бог от злаго и лютаго от еретика от Гришки Отрепьева» — очевидно, по аналогии со сходными названиями ранних текстов о событиях Смуты («Повесть како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов...», «Повесть како отмсти всевидящее око Христово Борису Годунову пролитие неповинные крови новаго страстотерпца благовернаго царевича Дмитрея Угличскаго»). Сокращенный вариант очень точно отражает суть заголовка текста, представляющего собой традиционное для средневековой русской литературы аннотированное название, но само название памятника в рукописи не соответствует содержанию фрагмента.

По аналогии с другими памятниками цикла произведений о Смуте, читателя, казалось бы, далее должен был ожидать рассказ о приходе к власти Гришки Отрепьева, его борьбе с Борисом Годуновым, противостоянии ему Василия Шуйского, наконец, о зверском убийстве незаконно «наскочившего» на царство. Но ничего подобного в «Сказании...» нет. Впрочем, и концовки тоже нет. Текст буквально обрывается на полуфразе: «въ лѣта 7112 (1604) году повѣлѣ съезжатис народу и посылаетъ» [14, л. 188 об.]. Последнее относящееся к рассматриваемому памятнику слово размещено на двух строках: «посы-лаетъ» — далее строка оставлена пустой. Следующая строка — это название другой повести: «К некое вдовѣ удивительныя щедрости» [14, л. 188 об., 3 строка сверху]. «К» написано черными чернилами, остальное — киноварью. Составитель сборника, не дописав один текст, перешел к другому.

«Сказание и повесть... как избавил Бог от злаго и лютаго от еретика от Гришки Отрепьева» // ОР РГБ. Ф. 37. Собрание рукописных книг Т. Ф. Большакова. № 256. Л. 188 об.

“Tale and Story... How Did God Get Rid of Evil and Fierce Heretic Grishka Otrepev.” Department of Manuscripts of the RSL. F. 37. T. F. Bolshakov Collection of Manuscript Books, no. 256, l. 188 rev.

Нечто подобное наблюдается в начале сборника: «Житие Андрея Юродивого», «продолжающееся по 170 л.», прерывается на л. 154, 156 об., 157 об. статьями «В субботу Троицкую Слово Иоанна Златоустого о умерших: То се велика таина отъ Бога», «О смерти: Аще неба, о человеѣ, достигнеша...» и «Повѣстью о нѣкоемъ старцѣ и о царѣ Феодосіи» (см.: [11, с. 230–231]). Однако рассматривать повесть о вдове как вставку, подобную врезанным в «Житие Андрея Юродивого» статьям, не приходится, поскольку в дальнейшем составитель более уже не возвращался к оставленному тексту. Невозможно подобный курьез объяснить и неверной сборкой тетрадей, из которых составлен сборник, поскольку недописанный текст «Сказания...» и повесть о вдове располагаются на одном листе. Истинные причины остаются загадкой: то ли всему виной невнимательность писца, то ли источник, с которого воспроизводился текст, был неполным, то ли нечто иное помешало завершить работу над памятником. Но это «иное» и есть самое интересное.

В размещенном же на семи листах тексте, за исключением пространного названия, Гришка Отрепьев не упоминается ни разу. Как и многие другие памятники о Смуте, «Сказание...» начинается с упоминания о смерти царя Ивана Васильевича, а также о двух его оставшихся сыновьях: царевиче Дмитрие и наследовавшем царство Федоре Ивановиче. Последнее событие, о котором полноценно рассказано в тексте, — это голод 1601–1603 гг. во время правления Бориса Годунова. Таким образом, фрагмент, помещенный в сборнике, охватывает события с 1584 по 1603 г.

В «Сказании...» отсутствует типичная для памятников о Смуте антитеза «истинные цари» — «самозванцы». Царствования Ивана IV и его сына Федора Ивановича не характеризуются, не сообщается ничего и об их главных достижениях и деяниях. Автор «Сказания...» использует типичные для цикла сочинений о Смуте оценочные эпитеты. Характеристика царя Ивана Васильевича сводится к одному эпитету «благовѣрный»; характеристика царя Федора Ивановича складывается из череды эпитетов: «благовѣрный и христоролюбивый царь <...> смиренный и кроткий государь...» [14, л. 187]. Эти эпитеты не являются сквозными в тексте, они появляются во фраг-

ментах, сообщающих о смерти царей, и, подчеркивая главное качество — благочестие, носят этикетный, формальный характер.

Предупредив в начале повествования о лаконизме как главном принципе рассказывания о событиях («Нап[и]сано ву кратъце» [14, л. 185]), составитель не отступает от него до самого конца. За основу берется летописный способ подачи исторических событий. Переходя от одного события к другому, составитель каждый раз пишет год, например, «В лѣта 7092 году...» [14, л. 185], «в лѣта 7094...» [14, л. 185 об.], «в лѣто 7095...» [14, л. 186], «в лѣто 7097 году...» [14, л. 186 об.] и т. д. Благодаря частотности использования данного приема повествование о событиях 1584–1603 гг. приобретает фрагментарный характер. Многие эпизоды, на которые распадается «Сказание...», напоминают летописные погодные записи, когда прошлое предстает «как простой ряд единичных фактов» [3, с. 48], цель которых — «зарегистрировать определенный факт, не входя в подробности» [3, с. 52].

Документальность, протокольность изложения, фактографичность отличают все фрагменты, в которых сообщается о смерти царей. Все эти рассказы построены по одной схеме: указывается точная дата события (год, число, месяц), место преставления/убийства (в двух случаях из трех), имена умерших: «В лѣта 7092 (1584) году мѣсяца марта въ 9 день преставис на Москвѣ благовѣрный царь и великий князь Иван Васильевичъ всея Росии...» [14, л. 185]; «Посемь убиенъ бысть царевичъ Дмитрей Ивановичъ всеа Росии въ лѣто 7099 (1591) году марта въ 9 день от Митки Качалова да от Данилки Битяговского и положены мощи его туто ж на углеце у всемилостиваго Спаса во храме...» [14, л. 187]; «...въ лѣта 7106 (1598) году генваря въ 7 день преставис благовѣрный и христоробивый царь и великий князь Федор Ивановичъ всеа Росии самодержецъ смиренный и кроткий государь...» [14, л. 187].

Документальность и фактографичность отличают и фрагменты, в которых рассказывается о судьбах князей, претерпевших страдания по воле Бориса Годунова. Эти рассказы построены по сходной схеме: указывается точная дата события (год), место ссылки, или заточения, или смерти, обстоятельно, по именам, перечисляются и/или называются имена пострадавших и обязательно (прямо или опосредованно) имя виновника — Бориса Годунова. Сосланные, заточенные в темницы, убитые князья называются по именам (или именам и отчествам) и фамилиям, но и только. Оценочные эпитеты по отношению к ним в этих фрагментах отсутствуют. Ср.: «...в лѣта 7094 (1586) Борис Годунов <...> вражнимъ помысломъ на великихъ бояр на боярина на князя ивана ивановича мѣстиславского напрасно измѣну и послаша его на бѣло озеро в кирилов монастырь в заточение и постригоша его во иноческий чинъ и по малѣхъ лѣтахъ тамо преставис...» [14, л. 185 об. – 186]; «...в лѣто 7095 (1587) возводитъ злокозненнымъ своимъ умышлениемъ изменное слово <...> на шуйскихъ князей на князя ивана петровича и на к[ня]зя василья и на князя андрѣя на князя дмитрея и на князя александра на князя ивана ивановичевъ и розсылаетъ ихъ по городомъ въ темъницы в заточения князя ивана петровича на бело озеро на князя василья да князя александра в галич князя ондрѣя въ буи городъ. князя дмитрея да князя ивана в шую село и повелѣша на белѣ озерѣ князя ивана петровича шуйского мученически скончавши...» [14, л. 186 – 186 об.]; «...в лѣто 7097 (1589) году <...> андрѣя ивановича в бую городцѣ повѣлѣша в темнице уморити...» [14, л. 186 об.]. И т. д.

Очевидное стремление, по выражению И. П. Еремина, «зарегистрировать» смерть или страдания того или иного князя тем не менее не сводится, как в летописных погодных известиях, исключительно к «обзору фактов» и желанию «прикрепить

каждый из этих фактов к определенной единице времени» [3, с. 48]. Автор намеренно акцентирует во всех фрагментах внимание на том, что за каждым злодеянием по отношению к царевичу Дмитрию и его ближайшим родственникам или к князьям стоит Борис Годунов.

О возвышении Бориса Годунова в царствование Федора Ивановича автор сообщает еще в начале текста: «при державѣ ж царя государя и великого князя федора ивановича всея росии бысть властелин шурин борис годунов с родом своим нача умышляти злыми своими умыслы на царский род и на росиских бояр» [14, л. 185 – 185 об.]. Дальнейший текст (вплоть до сообщения о смерти царя Федора Ивановича) распадается на ряд фрагментов, каждый из которых служит очередным доказательством, подтверждающим эту мысль:

- «в первое лѣто по преставлении» Ивана Грозного Б. Годунов «посылает» «сына его царевича дмитрѣя ивановича на углечь на удѣл со царицею марею с матерею и нагой с нею посылает отца ея федора нагова»; Афанасия, Андрея, Семена Нагих сначала «посылает по городам по низовымъ въ темницы», а позже приказывает уморить;
- «в лѣта 7094 (1586) Борис Годунов съ родомъ своимъ» ссылает князя Ивана Ивановича Мстиславского на Бело озеро, а затем велит постричь в Кирилловом монастыре;
- «в лѣто 7095 (1587)» Б. Годунов «возводитъ изменное слово» на князей Шуйских и рассылает их по городам в темницы: князя Ивана Петровича — на Бело озеро (впоследствии повелел «скончавши» его), князей Василия и Александра — в Галич, князя Андрея — в Буи город, князей Дмитрия и Ивана — в Шую село;
- «в лѣто 7095 (1587)» Б. Годунов приказал «скончавши» князя Ивана Петровича (?) Туренина;
- «в лѣто 7097 (1589) году» повелел «уморити» князя Андрея Ивановича в «Буде городцѣ»;
- «того жѣ 7097 (1589) году» в Москве Б. Годунов приказал казнить «торговыхъ людей смертию семь человекъ», а многих дворян и служивых, приказных, торговых людей «разослаша в поморския города в сибир и на волгу и на терекъ в темница»;
- «въ лѣто 7099 (1591) году марта въ 9 день» по приказу Б. Годунова был убит царевич Дмитрий Иванович.

Все эти эпизоды иллюстрируют последовательное воплощение «злого» плана Б. Годунова во время правления царя Федора Ивановича «ц[а]рский род извѣсти и великихъ бояр». Заданная изначально характеристика «злыми умыслы» неизменно повторяется почти в каждом фрагменте: на князя И. И. Мстиславского он «возводитъ неистинно но злымъ вражнимъ помысломъ» «напрасно измѣну» [14, л. 185 об. – 186], на князей Шуйских «возводитъ злокозненнымъ своимъ умыслениемъ изменное слово» [14, л. 186]. Обуреваемый злобой и стремлением к власти, Борис Годунов не только ссылает в дальние города, но и отдает смертоносные приказы. Так, Афанасия, Андрея, Семена Нагих он повелел «горкою голодѣною смертию умориша» [14, л. 185 об.]; князя Ивана Петровича Шуйского приказал «мученически скончавши» [14, л. 186 об.]; князя Ивана Туренина — «огнем и дымомъ подушити в томнице» [14, л. 186 об.]; с целью убить царевича Дмитрия Ивановича послал «лютаго и зверообразнаго Михаила Биви-

таговского да с[ы]на ево Даниила Бивитяговского с товарищи на Углич» [14, л. 187]. Страдания и смерть по воле Годунова принимают не только представители царского рода и «великие» бояре, но и множество «православных христиан», которые по его вине «помроша мученическою смертию гладомъ и наготою и скорбию великою в бедах и в темницах и во юзах» [14, л. 186 об.]. Во всех фрагментах автор подчеркивает смертоносность повелений Бориса Годунова.

Лаконичный принцип рассказывания о событиях приводит к тому, что эта часть «Сказания...» воспринимается как реестр фактов, призванных показать, как неуклонно и последовательно, неся смерть, Борис Годунов шел к власти. Минимализм в использовании изобразительно-выразительных средств ярко высвечивает факты, а скупое употребление в этих эпизодах традиционные художественные средства, характеризующие страдания людей, передают отношение автора к этим событиям и фокусируют внимание читателя на главной мысли — путь Бориса Годунова к престолу был устлан трупами.

Отсутствие в «Сказании...» типичных для цикла сочинений о Смуте отсылок к библейским архетипам, топосного уподобления Бориса Годунова древнему змию (см.: [8, с. 60–71; 5, с. 579–586]) демонстрирует совершенно новый подход к пониманию хода исторических событий и деяний исторических лиц. Рассматривая Переписку Ивана Грозного с Андреем Курбским, А. В. Каравашкин пришел к выводу, что «каждый культурно-исторический тип определяется устойчивыми шаблонами объяснения фактов» [4, с. 158]. Такие шаблонные объяснения прихода к власти Бориса Годунова сквозь призму истории грехопадения первых людей встречаются практически во всех ранних произведениях о Смуте, например в Повести 1606 г., вошедшей в состав «Иного сказания»: «вниде зломысленный дьяволъ въ сердце тому же отъ велможъ преже реченному Борису Годунову» [16, стб. 3]; «И уподобися той Борисъ древней зміи, иже прежде въ раи прелсти Евву и прадѣда нашего Адама и лиши ихъ пици райскія наслажатися» [16, стб. 3]. Автор рассматриваемого «Сказания...» отказывается от этого ставшего устойчивым шаблона. Не по воле дьявола совершаются беззакония, несущие смерть. Злая воля, злые «умыслы» человека, устремленного к власти, всему причиной. Подобного реалистического объяснения не знала литература предшествующего периода развития. В таком «чистом» виде, без традиционных проекций на библейскую историю, не встречаются иные тексты современников о Смуте, за исключением, пожалуй, псковских летописных повестей, в которых библейские аллюзии и отсылки к Священному Писанию появляются явно позднее основного текста, а также «Хронографа 1617 г.» и «Рукописи Филарета», где редко, но все-таки встречается трансцендентное объяснение событий.

Во второй части «Сказания...», где описываются воцарение и правление Бориса Годунова, сохраняется та же установка на документальность и фактографию. Она меньше по объему по сравнению с первой частью и содержит три фрагмента.

В первом эпизоде кратко рассказывается, каким образом Борису Годунову удалось убедить дворян и бояр поставить его на царство: «приводит к себѣ велмож а ихъ велелесными дары дарит и словесы ласковыми обещанми а иных угрозами свирѣпствомъ и розсылками и тако възприемѣлетъ скипетръ росискаго царства и поставлен бысть царемъ въ лѣта 7106 (1598) году сентабря въ 3 день» [14, л. 187 об.]. Подобные объяснения содержатся и в ряде других произведений о Смуте (см.: [8]). Но здесь, как и в эпизодах первой части, отсутствуют отсылки к истории грехопадения первых людей. Факты предстают в «чистом» виде.

Второй эпизод представляет Бориса Годунова, избранного в 1598 г. царем, с неожиданной для этого памятника стороны. Автор без всяких комментариев, как и во всех предыдущих фрагментах, пишет о его щедрости: «...много милостыни во вся земля и во всѣхъ монастыряхъ и <...> неоскудно св[я]щ[е]ническому чину и нищимъ не токмо и вдовицамъ и сиротамъ неоскудно подавая <...> не токмо во единомъ граде москвѣ но и во всехъ градахъ российскихъ...» [14, л. 187 об.].

Наконец, третий эпизод, начало которого обозначено указанием на год «в лѣта 7109 (1601)», открывается нетипичным для этого «Сказания...» трансцендентным объяснением обернувшегося страшным голодом природного явления: «...прииде гнѣвъ божии на все множество народовъ всѣхъ православныхъ християнъ месяца июля въ 28 день на память святыхъ апостолъ прохора и никонора тимона и пармена хлѣбъ и всякия овощи и бысть градъ великихъ...» [14, л. 187 об.]. Это единственный случай в тексте, когда автор, видимо не найдя другого объяснения, прибегает к традиционному способу указания на причины произошедшего.

Дальнейшее повествование имеет схожие черты с рассказами о голоде в «Хронографе 1617 года» и «Словесахъ дней, и царей, и святителей» И. А. Хворостинина (см. подробнее: [9]). Во всех этих текстах авторы применяют один и тот же лаконичный оценочный эпитет «велик» для характеристики голода: «гладъ бысть великъ» [12, с. 326], «гладъ велик» [17, с. 434]. Аналогичный эпитет использует и автор «Сказания...» [14, л. 187 об.].

Все авторы указывают на большую смертность людей, которую вызвал голод. Общим для всех источников является указание на множество погибших [9]. В «Сказании...» автор также пишет, что трехлетний голод в стране унес жизни многих людей: «многия мертвыя по пути лежали» [14, л. 187 об.].

Во всех текстах авторы рассказывают, как вели себя и чем питались люди во время голода: «Ядуще же тогда мнози псину и мертвечину и ину скареднину...» [12, с. 326]; «...и мнози вкусиша от глада лайна, и плотей человеческих, и мертвых телес существа своего, птицъ же, и зверей, и рыбы, и елико слово подробну сказати не может: коры дровяные, корение водное, былие непотребное...» [17, с. 434]. Похожее описание есть и в «Сказании...»: «...и много ядоша всякую траву и мертвечину и сомину и кошку инии корку липовую и сосновую и иное что замыслиша а иныя живыя мертвыхъ ядоша друг друга...» [14, л. 188].

Рассказы о недостойном поведении людей, едва намеченные в «Хронографе 1617 года» и в «Словесахъ дней, и царей, и святителей», обрываются указанием на причины отказа от подробных, развернутых характеристик: «ея же и писати нелѣтъ» [12, с. 326]; «и елико слово подробну сказати не может: <...> и елико таковая и множайшихъ, елика ни качеству предати возможно» [17, с. 434]. Аналогичным образом прерывает, но не завершает рассказ о недостойном поведении людей в этот период и автор «Сказания...»: «...сию беду великую и лютую грозу и неистинно писати и не лепо и вамъ слышати и видеша...» [14, л. 188]. Однако ощущение, что все происходившее тогда и описать невозможно, и слышать и видеть странно и страшно, приводит к тому, что автор «Сказания...», стремясь доказать читателю правдивость своего рассказа, прибегает к типичной формуле убеждения, характерной для древнерусских хождений: «аз есмь самъ видехъ» [14, л. 188].

А далее продолжает рассказ об ужасах, которые пришлось пережить в то время людям: «...старые и средние и малые и младенцы по улицамъ и по путемъ от зве-

рей и от псовы снедаеми» [14, л. 188]. Особое внимание автор уделяет «страху великому», который испытывали тогда богатые: «...и бысть великое насилие многи богатых дома грабили и разбивали и зажигали и бысть страх великъ умножис неправда яко людие творяху...» (выделено мной. — О. Т.) [14, л. 188]. Чтобы остановить беззаконие, тех людей «имаху и казняху а иных жигали иных в воду сажали всякими смертми скончевали» (выделено мной. — О. Т.) [14, л. 188]. Но ничто не останавливало «насилие» и «неправду». Ситуацию усугубили еще и «знамения многа на небеси и на земли и гр[о]мъ велицы и молния <...> и земьлитрясение <...> во многих градехъ» [14, л. 188]. К сожалению, дальше текст обрывается.

В целом, по сравнению с «Хронографом 1617 года», «Словесами дней, и царей, и святителей» И. А. Хворостинина рассказ о голоде 1601–1603 гг. в «Сказании...» много подробнее и полнее, насыщен деталями, которые отсутствуют в других памятниках. Повествуя именно об этом страшном периоде, составитель демонстрирует свое знание литературных традиций и писательское мастерство, которое проявляется, в частности, в использовании внутрифразовых рифмовок. Важно отметить и еще один момент: в опубликованных ранее редакциях этого памятника — и в полной, и в краткой — рассказ о голоде 1601–1603 гг. отсутствует вовсе.

И если полная редакция «Сказания...», по словам С. Ф. Платонова, являет собой «самую неумеренную легенду», особенно во фрагментах, повествующих о похождениях Гришки Отрепьева на Украине и в Польше, а краткая редакция, по справедливому мнению Е. Н. Кушевой, прославляет Василия Шуйского как организатора восстания против Лжедмитрия и поляков [15], то во фрагменте «Сказания...» в рукописном сборнике из собрания Т. Ф. Большакова на протяжении всего повествования в центре внимания стоят деяния Бориса Годунова. Даже рассказ о царствовании Федора Ивановича в действительности посвящен не «кроткому» государю, а возвысившемуся при нем Годунову.

Специфика представления исторического материала в «Сказании...» свидетельствует о тяготении автора к стилистике летописных погодных записей. Отсутствие трансцендентных объяснений причин происходящего в мире людей, лаконизм в представлении тех или иных событий, документальная протокольность, минимальное использование изобразительно-выразительных средств свидетельствуют о том, что автор сознательно отказался от традиционных для русской средневековой словесности художественных приемов, поставив во главу поэзию факта.

Многие современники событий Смуты декларировали принцип правдоподобия. Например, дьяк Иван Тимофеев во «Временнике» открыто провозглашал истинное знание о событии основой исторического труда: «...поносно бо есть писателю, не ясно ведуще, сущая вещи описывать, извет полагая постиженьми, и бывшая деяньми неиспытне вообразати» [10, с. 167]. Однако стремление правдоподобно рассказать о современных событиях не мешало большинству книжников использовать традиционные художественные средства, вписывать современные им события в контекст мировой истории привычными литературными способами. На этом фоне установка автора «Сказания...» на документальность, на фактографию, отказ от средневековой художественности выглядит, несомненно, новаторством, как и отказ от комментирования приводимых фактов. В этом тексте мы имеем дело с иными принципами создания исторического повествования, когда факты говорят сами за себя, а их подбор (за отсутствием комментария) косвенно указывает на авторскую оценку какого-либо события или пери-

ода в истории страны. Возможно, нестандартное представление исторических событий и лиц и стало одной из причин, почему текст не был дописан в рассматриваемом сборнике.

Список литературы

Исследования

- 1 Белов Н. В. Кто написал «Сказание о Гришке Отрепьеве»? // К 100-летию со дня рождения. Сигурт Оттович Шмидт. Педагог. Ученый. Просветитель. [Сб. ст. по материалам Международной научной конференции. Москва, 15–16 апреля 2022 г.]. М.: РГГУ, 2023. С. 170–174. (Шмидтовские чтения. Вып. 1)
- 2 Демин А. С. Материалы по литературоведческой кодикологии (о девяти сборниках XI–XVII вв.) // Герменевтика древнерусской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Сб. 19 / гл. ред. О. А. Туфанова, отв. ред. Е. А. Андреева. С. 5–65. DOI: 10.22455/978-5-9208-0610-9-5-65
- 3 Еремин И. П. Лекции по древней русской литературе. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 208 с.
- 4 Каравашкин А. В. Иван Грозный и Андрей Курбский: конфликт интерпретаций // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 1. С. 148–161. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-148-161
- 5 Каравашкин А. В. Литературный обычай Древней Руси (XI–XVII вв.). 2-е изд., доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 720 с.
- 6 Кушева Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени. Саратов: Правление Саратовского гос. ун-та, 1926. 97 с.
- 7 Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1888. 372 с.
- 8 Туфанова О. А. Древнерусская литература о Смутном времени как художественный феномен. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 576 с. DOI: 10.22455/978-5-9208-0605-5
- 9 Туфанова О. А. Изображение голода 1601–1603 гг. в русских и иностранных источниках о Смутном времени // Вестник славянских культур. 2012. № 2 (XXIV). С. 77–83.

Источники

- 10 Временник Ивана Тимофеева / подгот. к печати, пер. и коммент. О. А. Державиной; под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Репринтное воспроизведение издания 1951 года. СПб.: Наука, 2004. 509 с.
- 11 Георгиевский Г. П. Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в Императорском московском и Румянцевском музее. Пг.: Тип. Имп. Акад. наук, 1915. 455 с.
- 12 Из хронографа 1617 года // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков / вступ. ст. Д. Лихачева; сост. и общ. ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1987. С. 318–357.
- 13 Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1891. 982 стб. (Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. XIII.)
- 14 «Сказание и повесть... как избавил Бог от злаго и лютаго от еретика от Гришки Отрепьева» // ОР РГБ. Ф. 37. Собрание рукописных книг Т. Ф. Большакова. № 256. Л. 185 – 188 об.

- 15 Солодкин Я. Г. Суков Василий Нелюбов Семенов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3 (XVII в.), ч. 3: П – С. С. 511–514.
- 16 Такъ называемое Иное сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1891. Стб. 1–144. (Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссиею. Т. XIII.)
- 17 Хворостинин И. А. Словеса дней, и царей, и святителей московских // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков / вступ. ст. Д. Лихачева; сост. и общ. ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1987. С. 428–463.

© 2023. Olga A. Tufanova

Moscow, Russia

POETRY OF FACT IN THE *TALE AND STORY... HOW DID GOD GET RID OF EVIL AND FIERCE HERETIC GRISHKA OTREPEV* FROM THE MANUSCRIPT COMPILATION OF T. F. BOLSHAKOV COLLECTION

Abstract: The article examines the fragment *Tale and Story... How Did God Get Rid of Evil and Fierce Heretic Grishka Otrepev* from the manuscript narrative compilation of T. F. Bolshakov collection. The widespread edition of the monument was already known to N. M. Karamzin and published in *Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities*, a brief edition, allegedly authored by clerk Vasily Sukov, published in the 13th volume of Russian Historical Library. In the handwritten collection, the text under study is an unfinished fragment and covers the events from 1584 to 1603. The main attention is paid to the deeds of Boris Godunov. The specificity of presentation of historical material in the *Tale ...* testifies to the author's inclination towards the style of chronicle weather records. The absence of transcendental explanations of the causes of what is happening in the world of people, laconism in the presentation of events, documentary protocol, minimal use of figurative and expressive means indicate that the author deliberately abandoned the artistic techniques traditional for Russian medieval literature, putting the poetry of fact at the head. Many contemporaries of the events of Time of Troubles, declaring the principle of plausibility, sought to fit contemporary events into the context of world history in traditional literary ways. In the text, we are dealing with other principles for creating a historical narrative, when the facts speak for themselves, and its selection (in the absence of commentary) indirectly indicates the author's assessment of an event or period in the country's history. Perhaps the non-standard presentation of historical events and persons was one of the reasons why the text was not completed in the collection under consideration.

Keywords: tale, Boris Godunov, famine of 1601–1603, documentary, factographic, weather record.

Information about the author: Olga A. Tufanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2254-7969>

E-mail: tufoa@mail.ru

Received: June 29, 2023

Approved after reviewing: July 15, 2023

Date of publication: September 25, 2023

For citation: Tufanova, O. A. "Poetry of Fact in the 'Tale and Story... How Did God Get Rid of Evil and Fierce Heretic Grishka Otrepev' from the Manuscript Compilation of T. F. Bolshakov Collection." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2023, vol. 69, pp. 300–311. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-300-311>

References

- 1 Belov, N. V. "Kto napisal 'Skazanie o Grishke Otrep'ev'e'?" ["Who Wrote 'The Tale of Grishka Otrepiev'?"]. *K 100-letiiu so dnia rozhdeniia. Sigurt Ottovich Shmidt. Pedagog. Uchenyi. Prosvetitel'. [Sb. st. po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 15–16 aprelia 2022 g.)]* [To the 100th Anniversary of Sigurt Ottovich Schmidt. Teacher. Scientist. Enlightener. Sat. Art. Based on the Materials of the International Scientific Conference. Moscow, April 15–16, 2022)]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2023, pp. 170–174. (Shmidtovskie chteniia. Issue 1) (In Russian)
- 2 Demin, A. S. "Materialy po literaturovedcheskoi kodikologii (o deviati sbornikakh XI–XVII vv.)" ["The Materials on literary codicology (on nine collections of the 11th–17th centuries)"]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury [Hermeneutics of Old Russian Literature]*. Issue 19. Ed.-in-chief O.A. Tufanova, executive editor E. A. Andreeva. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 5–65. DOI: 10.22455/978-5-9208-0610-9-5-65 (In Russian)
- 3 Eremin, I. P. *Leksii po drevnei russkoi literature [Lectures on Old Russian Literature]*. Leningrad, Leningrad University Publ., 1968. 208 p. (In Russian)
- 4 Karavashkin, A. V. "Ivan Groznyi i Andrei Kurbskii: konflikt interpretatsii" ["Ivan the Terrible and Andrey Kurbsky: a Conflict of Interpretations"]. *Studia Litterarum*, vol. 5, no. 1, 2020, pp. 148–161. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-148-161 (In Russian)
- 5 Karavashkin, A. V. *Literaturnyi obychai Drevnei Rusi (XI–XVII vv.) [Literary Custom of Old Rus' (11–17 Centuries)]*. 2nd ed., rev. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2018. 720 p. (In Russian)
- 6 Kusheva, E. N. *Iz istorii publitsistiki Smutnogo vremeni [From the History of Journalism of the Time of Troubles]*. Saratov, Pravlenie Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1926. 97 p. (In Russian)
- 7 Platonov, S. F. *Drevnerusskie skazaniia i povesti o Smutnom vremeni XVII veka kak istoricheskii istochnik [Old Russian Legends and Stories on the Time of Troubles of the 17th Century as a Historical Source]*. St. Petersburg, Tipografiia V. S. Balasheva Publ., 1888. 372 p. (In Russian)
- 8 Tufanova, O. A. *Drevnerusskaia literatura o Smutnom vremeni kak khudozhestvennyi fenomen [Old Russian Literature on the Time of Troubles as an Artistic Phenomenon]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 576 p. DOI: 10.22455/978-5-9208-0605-5 (In Russian)
- 9 Tufanova, O. A. "Izobrazhenie goloda 1601–1603 gg. v russkikh i inostrannykh istochnikakh o Smutnom vremeni" ["Depiction of 1601–1603 Famine Years in Russian and Foreign Sources about the Time of Troubles"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, no. 2 (vol. XXIV), 2012, pp. 77–83. (In Russian)